

— Вана Лань, почему он такой странный?

Услышав сплетни от слуг, Цзян Хун обратился к своей Системе:

— В тот раз в карете он одним пинком вышвырнул меня вон. Я решил, что он меня ненавидит, но, судя по всему, Цзян Хуайли он тоже не жалуется.

Система отозвалась:

— На самом деле это неудивительно. Напротив, это вполне закономерно.

Цзян Хун спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Он и раньше-то не особо жаловал Цзян Хуайли, поэтому нам не удалось перенести его симпатию на тебя, — пояснила Система. — Он по-прежнему не испытывает к тебе приязни, но к Цзян Хуайли он теперь относится еще хуже.

Цзян Хун кивнул:

— Логично. Так и должно быть, это полностью соответствует описанию персонажа в книге.

В мире Цзян Хуна о таких, как Ван Лань, говорили: сумасброд, который никак не вписывается в основной сюжет. Как правило, безумцы в подобных историях играют ключевую роль — либо до безумия влюблены в главного героя, либо являются злодеями, стремящимися его уничтожить. Но Ван Лань был иным. Когда главный герой в детстве купался в лучах всеобщей любви, Ван Лань в своем далеком уделе чах и сходил с ума.

Цзян Хуайли не стал переодеваться — лишь ополоснул руки и, никуда не торопясь, направился в цветочный зал.

Система прокомментировала:

— Не стоит, выглядишь так, будто радуешься чужому несчастью.

— Заставил старших ждать, пока ты соизволишь явиться к ужину! Какое высокомерие! — прозвучал резкий голос Цзян Хаояня. — Чего стоишь? Еще хочешь, чтобы мы тебя ждали?

Цзян Хун и Тао Лань словно два полюса: если человек оказывался ближе к Цзян Хуну, то начинал испытывать к нему симпатию, а к Цзян Хуайли — неприязнь. Если же приближался к Ван Ланю, то становился рассудительнее, и чем дольше длилось это соседство, тем дольше сохранялась ясность ума.

Цзян Хун подумал: «Что за бред? Так бездарно слить проработанного персонажа... Видимо, автор — совсем зеленый новичок».

Уже долгое время никто не звал Цзян Хуайли к общему столу. Раньше он приходил сам, но потом начал ужинать в своем дворе, чтобы избежать лишних хлопот и найти покой. Однако, стоило ему столкнуться с Цзян Хуном, как Цзян Ань переменялся еще быстрее. Каждая встреча была шансом исследовать эту аномальную закономерность, особенно когда все собирались вместе. Получается, он теперь не сможет обойтись без Ван Ланя?

Слуги тоже были удивлены. Они знали, в каком положении находился Цзян Хуайли в Клане Цзян весь этот год, но он всегда проявлял почтение к старшим. По логике, сегодня он был обязан прийти.

— Молодой господин, все же сходите, — уговаривал слуга. — Старый господин и глава клана ждут вас. Негоже это, если слухи разойдутся.

Цзян Хун, стоя на ступенях, наигранно удивился:

— Кузен, ты все-таки пришел? А я думал, ты не осмелишься.

Когда главный герой блистал в юности, Ван Лань в далеком уделе бился в истерике. И то, и другое было сложно принять. Цзян Хуайли, нахмурившись, уставился в книгу. Неужели люди вокруг него приходят в себя, только когда рядом Ван Лань, а стоит тому уйти — и всё возвращается на круги своя? Обрести надежду, чтобы тут же ее потерять?

— Молодой господин, как вы можете не пойти? — нахмурился Цзян Ань. — Нельзя же пренебрегать добротой господина Хуна.

Цзян Хуайли не хотел идти по двум причинам: во-первых, от Цзян Хуна явно не стоило ждать добра, а во-вторых, он не желал видеть остальных. Когда слуга передал приглашение, внутри него поднялась волна протеста, что удивило даже его самого.

Вспомнив недавнюю мысль о бездарности автора, он добавил:

— У них почти нет точек соприкосновения. То, что Ван Лань не любит главного героя — нормально. А та крупница симпатии, что была, держалась лишь на ореоле главного героя, который теперь перешел на меня. В будущем от Ван Ланя к Цзян Хуайли останется только отвращение.

Видя, как Цзян Ань встал рядом с Цзян Хуном, Цзян Хуайли не мог не чувствовать укола в сердце. Цзян Хун же просиял:

— Нам стоит проявить заботу о кузене.

Цзян Ань и слуги радостно закивали. Цзян Хун сжал зубы, подавляя ругательства: «Я иду туда,

чтобы собрать информацию!»

Цзян Хуайли сбросил с себя наваждение и сел за стол. Он знал, что сегодня его ждет очередной допрос, и был к этому готов. Однако, стоило ему сесть, как Цзян Шаогуан заговорил:

— Хотя Император тебя не наказал, дело о том, как ты навредил Цзян Хуну, так просто не закончится. После ужина...

— Старый господин, глава клана! Прибыли люди из Резиденции Вана Лань! — слова Цзян Шаогуана прервал вбежавший слуга.

— Резиденция Вана Лань? — все невольно взглянули на Цзян Хуайли.

Цзян Шаогуан спросил:

— Чем ты успел прогневить Ван Ланя?

Прогневить — не совсем верное слово, хотя расстались они действительно не лучшим образом. Цзян Хуайли и сам не понимал, зачем пожаловали люди из резиденции — хозяин там был помешанный, угадать его мысли нормальному человеку было не дано.

Посланника Цзян Хуайли узнал: сегодня в чайной это был тот самый человек, который менял воду. Слышал, как Ван Лань называл его Лэ Кан.

Лэ Кан с улыбкой вошел, поклонился Цзян Хуайли и произнес:

— Господин Цзян.

Затем поклонился остальным:

— Господа из Клана Цзян, я Лэ Кан, по приказу моего господина привез подарок для господина Цзян.

Все уставились на сверток, обернутый в шелковую ткань. Лэ Кан, казалось, не знал, с чего начать, нерешительно открывал и закрывал рот, на его лице читалось замешательство.

Цзян Хун не выдержал:

— Что Ван Лань передал кузену?

Лэ Кан собрался с духом, развернул ткань, и внутри показалась пурпурная парадная роба принца.

— Мой господин сказал, что господин Цзян испачкал эту вещь, и она ему больше не нужна, поэтому велел мне ее вернуть.

...В комнате воцарилась тишина.

Это действительно была та самая верхняя одежда, в которой Ван Лань был днем. Но когда он успел ее испачкать? Разве что случайно задел в карете. Цзян Хуайли не понимал, что за игру ведет безумный принц, но глубоко вздохнул, пытаясь сохранить лицо:

— Благодарю, что проделали такой путь.

Лэ Кан поднес робу к Цзян Хуайли и прошептал так, чтобы слышал только он:

— Господин Цзян, мой господин также велел передать: раз вы носите накидку, подаренную Императором, то не побрезгуете ли этой?

Цзян Хаоянь, будучи Главой Министерства ритуалов, лучше других понимал: подарок Императора был повседневной одеждой без драконьих узоров, тогда как это — официальная роба принца, украшенная восемью символами власти.

— Боюсь, это неуместно, — первым среагировал Цзян Хуайли.

Цзян Хаоянь тут же переобулся:

— Ты что, брезгуешь робой принца?

Цзян Хун расплылся в улыбке:

— Кузен, надевай скорее. Это воля Ван Ланя. Если не наденешь и он рассердится, нам всем придется отвечать.

Цзян Хуайли с холодным лицом позволил Лэ Кану набросить на него пурпурную робу. В комнате он был в одной лишь тонкой нижней одежде, и весенняя ночь пробирала до костей. Роба оказалась на удивление теплой, словно ее только что сняли, а тонкий аромат лекарств окутал его, отгоняя холод.

Цзян Хуайли непроизвольно пошевелил пальцами, затем опустил руки. Пояс отяжелел — там висел нефритовый кулон. Лэ Кан, закончив с одеждой, поклонился и удалился.

В цветочном зале долго стояла тишина. Четыре принца имели свои предпочтения в цветах: Ван Лань, под стать своему нраву, любил яркие тона, такие как вызывающий красный или пурпурный, как на Цзян Хуайли. Эти цвета трудно носить — они либо старят, либо выглядят безвкусно. Но Ван Лань и Цзян Хуайли были исключением. Возможно, из-за их бледности. У Ван Ланя это была болезненная бледность, которая подчеркивала его мрачный нрав, а на Цзян Хуайли, привыкшем к скромным одежаниям, роба смотрелась благородно и возвышенно.

Цзян Хун скрипнул зубами и выдавил из себя:

— Кузен, похоже, Ван Лань тобой брезгует, но при этом запрещает тебе брезговать им. Ха-ха, как же так?

Он ждал, что Цзян Хаоянь и остальные поддержат его вопросами, но никто не проронил ни слова. Цзян Хун почувствовал себя неловко. Он посмотрел на остальных — те либо разглядывали еду, либо украдкой бросали взгляды на Цзян Хуайли и тут же отводили глаза.

Цзян Хуайли тоже было странно. Встретившись взглядом с Цзян Хаоянем, он увидел, как тот виновато отвел глаза. Кто-то из слуг подал костный мозг, и Цзян Хаоянь спросил:

— Это говяжий? Хуайли не ест свиной.

Цзян Хуайли под столом сжал ткань робы. Он помнил, как в тот вечер, когда Цзян Хун только прибыл в особняк, Цзян Хаоянь отчитывал его за привередливость, положив начало своей неприязни. Почему же он изменился? Ван Ланя здесь нет, неужели его приближенные обладают той же аурой? Но Лэ Кан уже ушел. Осталась только эта роба. Неужели даже личные вещи Ван Ланя обладают таким свойством?

Цзян Хун был поражен и слегка напуган:

— Что происходит? Почему опять всё идет не так? Слишком много проблем за последние два дня!

Система была не менее озадачена:

— Это странно.

— Опять странно! Да ты... — Цзян Хун глубоко вздохнул, подавляя раздражение, и посмотрел на Цзян Шаогуана. — Дядюшка, вы говорили, что после ужина нужно что-то сделать...

Цзян Шаогуан взглянул на Цзян Хуайли:

— После ужина? После ужина иди и отдохни. Разве ты не устал за эти дни?

Цзян Хун: «...»

«Он же не это имел в виду! Он хотел наказать Цзян Хуайли! Как даже он умудрился сменить гнев на милость?!»

Цзян Хуайли сжал край робы, коснувшись вышитых гор. Его сердце было полно противоречий. Он готовился к битве на мечах, а получил самый спокойный ужин за весь год.

Тем временем Лэ Кан, покинув особняк, сел в карету, стоявшую у ворот. Она не была пышной,

но запряжена четырьмя мощными черными конями, а внутри была весьма просторной. Стража у ворот завидовала: «Не зря это резиденция Ван Ланя — даже у слуг такие кони».

Карета тронулась в ночь, свернула и остановилась за стеной — прямо за той, где находился цветочный зал. Внутри Тао Лань в белом нижнем халате изучал досье на Цзян Хуайли.

Лэ Кан отчитался:

— Господин, не вернемся в резиденцию?

Тао Лань взглянул на него:

— Надоело сидеть в резиденции, хочу посмотреть на всё прямо с дороги.

Что ж, мысли Ван Ланя не угадать никому, любая странность для него — норма. Ван Лань просидел в карете больше часа, прежде чем вяло бросил:

— Возвращаемся.

После ужина карета скрылась в ночи. На полпути в нее подсел человек и доложил последние новости о Цзян Хуайли — всё, вплоть до каждой мелочи во время ужина. Тао Лань слушал, погруженный в раздумья. Теперь он знал о Цзян Хуайли всё, что можно было выяснить за год.

Он подпер подбородок, полуприкрыв глаза, сквозь которые свет ламп пробивался неясными бликами. Спустя долгое время он вздохнул:

— Ему пришлось нелегко. Его ненавидели те, кого он любил, его оклеветали, подставили и причинили столько боли, но он до сих пор не озлобился и не сошел с ума.

Он замолчал. В карете царила тишина. Спустя еще мгновение он с недоумением посмотрел на двух своих спутников:

— А чего молчите? Чего не хвалите его?

...

<http://bllate.org/book/21320/2163034>